

М.В. Веккесер

## МНОГОСОЮЗИЕ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ЭКСПРЕССИВНОСТИ

В современном русском литературном языке прослеживается тенденция экономии средств выражения и одновременно их экспрессивности [1. С.37]. Данная тенденция в синтаксисе выражается в активизации употребления экспрессивного бессоюзия, но параллельно с этой тенденцией развивается и противоположная - активизация некоторых избыточных структур, например многосоюзия (о чем свидетельствует наблюдение над фактическим языковым материалом).

Рассмотрение многосоюзия в аспекте категории экспрессивности позволит уточнить имеющиеся определения фигуры полисиндетона, а также более детально охарактеризовать ее стилистическое функционирование.

Традиционно понятие фигуры многосоюзия включает в себя повтор сочинительного союза, ощущаемый как избыточный.

Как известно, повторение бывает неоправданным, приводящим к неудачам и речевым ошибкам (явления плеоназма, тавтологии). Но уместный [2. С. 72-86, 107-139], умело организованный повтор, выстроенный с целью особого подчеркивания, актуализации тех или иных элементов, становится оправданным художественным приемом.

Повтор противопоставит такому «закону речевого употребления» [3. С. 170-171], как «экономия». Далеко не все ученые считают закон экономии универсальным: «...ни развитие, ни функционирование языка не определяется принципом «экономии», так как любой живой естественный язык пользуется все новыми и новыми средствами выражения, новыми приемами коммуникации» [3. С. 170-171]. Таким образом, повтор противоречит закону экономии. «Если же автор все же идет на такой прием, следовательно, он убежден, что привносит нечто значительное в текст» [4. С. 197].

В учебной и справочной литературе, как правило, не указывается, повтор какого союза происходит в фигуре полисиндетона [5], хотя в качестве иллюстраций приводятся примеры с повтором союза «и». Мы обнаружили только одно пособие, где в определении фигуры полисиндетона имеется точное указание на повтор сочинительных союзов «и», «ни» [6. С.429].

Фактический языковой материал, взятый из произведений современной русской прозы и поэзии, а также публицистики, дает основание утверждать, что экспрессивное многосоюзие реализуется на основе повтора не только соединительных, но и других сочинительных союзов, например: *Псевдокультура ни словом, ни жестом может и не отличаться от культуры, но делом, но последствием, но своей ошибочностью - отличается* (С. Залыгин. Культура и личность), *А он им- то зной вместо дождика скорого,/ А он им- то град - вместо солнца пошлет,/ А он им разруху,/ После которой в сусеках сметать было нечего* (Д. Блынский. Моя родословная), *Атом пошли малосольные огурчики, а там - груды лука, а там - ворох деревенских расписных ложек, а там - кадушки под разные домашние соленья, а там - глиняные свистульки, а там рогожи, корзинки из горькой душистой ивы* (В. Солоухин. Владимирские проселки) - повтор противительных союзов *НО, А*.

Известно, что противительные отношения реализуются в закрытых структурах. Такого рода смысловые отношения будут в поле нашего зрения тогда, когда они добавочно осложнены перечислением. Это относится и к подчинительным многочленам (повтор подчинительных союзов): здесь важно не само по себе значение однородно соподчиненных придаточных (оно может быть любым), а именно то, что «части, однородно построенные, между собой находятся в отношениях сочинения» [4. С. 191].

Отметим, что наиболее «типичен повтор соединительных и разделительных союзов в перечислительной роли. Однако это не значит, что союзы, передающие другие значения, формирующие двучастные закрытые структуры, не могут повторяться, но такой повтор окажется опять-таки соединением/перечислением каких-либо отношений: причинно-следственных, противительно-уступительных и т.д.» [4. С.198].

В этом случае представляется «не - нейтральное отношение говорящего к содержанию или адресату речи» [7. С. 151], так как однократный повтор союза уже является сигналом типа связи, а также определяет смысловые отношения, т.е. здесь обнаруживается «функция-способность синтаксической конструкции усиливать как прагматическую, так и собственно грамматическую информацию» [2. С. 14]. Таким образом, на синтаксическом уровне такие многосоюзные ряды представляются экспрессивными: как результат преднамеренного употребления. Так происходит «усиление выразительности, осуществляемое посредством отбора знаков... и направленное на увеличение воздействующей силы стоящего за ним содержания» [8. С. 168]. Важно, как отмечает Ю.М.Скребнев, учитывать не только формальное устройство единицы, но и «ярлыки коннотаций», которыми снабжены эти единицы [15. С.21].

Исходя из сказанного выше, многосоюзие с повтором сочинительных и подчинительных союзов можно определить не просто как «принцип построения текста, при котором последующие повествовательные единицы (или их части) присоединяются к предыдущим одним и тем же союзом» [9. С.302], но и как фигуру речи с широким диапазоном стилистических функций. В зависимости от тех или иных жанрово-стилистических условий многократный повтор различных союзов может создавать различные эффекты.

На этом основании в рамках фигуры многосоюзия мы рассматриваем открытые структуры, в которых реализуется экспрессивный повтор не только сочинительных (на уровне простого/сложного предложения и сложного синтаксического целого), но и подчинительных союзов (на уровне сложного предложения и сложного синтаксического целого). Примеры

повтора сочинительного союза: *Оглядишься - уже не до сна:/ белым холодом дышит природа./ И такая вокруг тишина,/ и простор,/ и покой,/ и свобода* (В. Дмитриев. Я доволен своею судьбой...); *А через два месяца у нас лыжные каникулы в Австрии, а через четыре-летние в Италии, и все уже заказано, а через год золотая свадьба у бабушки с дедушкой...* (Литературная газета. 1990. №52); *В родной деревне Вычуган осталось два дома. В одном упрямо доживала свой век старуха... И липы чахли. И смородинник в бурьяне чах. И малина по огородам одичала. Такая картина вызывала неопределенное чувство печали и безысходности* (В. Астафьев. Любочка). Примеры многосоюзия с подчинительным союзом: *Вспоминай меня, если/хрустнет утренний лед,/если вдруг в поднебесье/прогремит самолет,/если вихрь закурча-вит/дуинных туч пелену,/если пес заскучает,/заскулит на луну,/ если рыжие стаи/закружат листопад,/если за полночь ставни/застучат невпопад,/если утром белесым/закричат петухи* (В. Тушнова. Я прощаюсь с тобою...); *Ему придется отвечать, потому что они живы, потому что они нашли его довоенную фотографию, потому что они свидетельствовали перед нами и заявили, что готовы подтвердить свои слова в любом, самом высоком суде* (Комсомольская правда. 1995. Июль); *Вот и все происшествие. Если не считать перелома носа, кровоподтеков, «кратковременного расстройства здоровья», как определил состояние Некрасова медэксперт. Если не считать головных болей, не сданных вовремя экзаменов, потери стипендии на целый семестр. Если не считать того страшного для всякого мужчины унижения, что тебя били...* (Комсомольская правда. 1996. Декабрь).

В приведенных примерах мы встречаемся с отражением определенных явлений реальной действительности. Безусловно, нельзя отрицать, что все приведенные микрофрагменты из художественной литературы и публицистики обращены не только к сознанию, но и к чувственному восприятию читателя, хотя эта направленность не во всех случаях является доминирующей. Но во всех случаях экспрессивность данных фрагментов текста определяется их формальной организацией: все примеры становятся выделенными отрезками текста посредством поли-синдетона. Основное назначение многосоюзия в контексте приведенных предложений состоит в том, чтобы заставить читателя воспринять описание действительности не как простую зарисовку, а как сложный, динамичный образ, ощутить все взаимосвязи, представить всю полноту изображаемого - другими словами, назначение полисиндетона заключается здесь в том, чтобы, содействуя максимально точной передаче основной информации, актуализировать, подчеркнуть в тексте семантически важное место (места). Таким образом, значимость смыслового плана выражения того или иного фрагмента текста, его выделенность достигается и увеличивается за счет его включения в экспрессивную синтаксическую конструкцию - полисиндетон.

Многосоюзие в рамках сложного синтаксического целого определяют как внешний полисиндетон в противоположность внутреннему полисиндетону в составе предложения простого и сложного [16].

Итак, учет многосоюзия, реализующегося в преднамеренном повторе не только соединительных, но и других сочинительных союзов (разделительных, противительных), а также подчинительных расширяет и уточняет перечень структурно-семантических типов фигуры многосоюзия и ее стилистических функций.

Следует заметить, что при характеристике понятия «полисиндетон» часто используется слово «повтор». Каково же соотношение этих понятий? Интересной представляется точка зрения, согласно которой полисиндетон в ряде исследований рассматривается в широком смысле как намеренное повторение служебных слов, в том числе и предлогов [8. С. 106]. Нами учитывается только повтор союзов. Многосоюзие определяют и как непосредственную разновидность повтора [10. С. 77].

Так, И.В. Арнольд, подчеркивая, что союзы являются одним из грамматических средств связи, определяют многосоюзие как «повторение союзов» и включает его в главу «Виды и функции повторов», сближая с аллитерацией, хиазмом, семантическим повтором [11].

Т.И. Сильман считает возможным признать то, что «союзы входят в общее понятие повтора (правда, повтора своеобразного, внутри которого происходит поворот, перелом мысли) - поворот мысли от сказанного в сторону добавления, наращивания, нагнетания» [12. С.39]. Таким образом, Т.И. Сильман включает союзы в широкое понятие повтора - как системы средств, служащих скреплению предложений.

В случае полисиндетической структуры мы имеем явное многократное употребление одного и того же союза в пределах одной конструкции или нескольких. Формально исходя из определения повторов, где главное условие достаточная теснота ряда, расположенность идентичных или эквивалентных элементов на довольно близком расстоянии, мы можем рассматривать структуру с многократным употреблением союза в качестве повтора. Такой повтор союза несколько сближается по некоторым своим функциям с повтором предлогов, местоимений, усилительных частиц.

Однако необходимо учитывать и тот немаловажный факт, что союз - это, прежде всего, формальный показатель, сигнал определенного типа отношений, сигнал связи. Как говорит Т.И. Сильман, он «не выражает простое присоединение к сказанному, но несомненно обладает не только ведущим вперед значением, но и обратной внутренней проекцией» [13. С.27].

Таким образом, в многосоюзных конструкциях, на наш взгляд, повтор союзов следует рассматривать не просто как лексический повтор, но, прежде всего, как сигнал того, что осуществляется одна и та же связь, неоднократно повторяется один и тот же тип отношений. Выбор средств связи, способов связи диктуется стилистическими соображениями [14. С. 10]. Повторение же одного и того же типа связи там, где возможен разнообразный, несомненно, несет стилистическую

нагрузку. Более того, внутри многосоюзного ряда происходит еще один вид повтора - синтаксический повтор/параллелизм.

В качестве вывода можно отметить, что полисиндетон- это результат реализации модели, которая основана на повторе элементов разных уровней: повтор сочинительного/ подчинительного союза в качестве средства связи и сигнала определенных смысловых отношений, повтор соединяемых союзом синтаксических единиц (однородные члены предложения, предикативные единицы, отдельные предложения).

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
2. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981.
1. 3. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка// Вопросы языкознания. 1972.№1. . . .
3. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М., 1978.
4. Тимофеев А.И., Венгеров С.Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1952. С.70; Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1998. С. 364-365; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 225; Хазагеров Т.Е., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций и Словарь риторических фигур. Ростов н/Д., 1994. С. 156; Антология русской риторики/ Отв. ред. и сост. М.И. Панов. М., 1997. С.44.
5. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 1997.
6. Никитина С.Е., Васильева А.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996.
7. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций и Словарь риторических фигур. Ростов н/Д., 1994.
8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь /Гл. ред. В.М. Ярцева. М., 1998.
9. Кузнец М.Д.,СкребневЮ.М. Стилистика английского языка. М., 1960.
10. Арнольд В.И. Стилистика современного английского языка. Л., 1973.
11. Сильман Т.И. Проблема синтаксических связей в прозе Лессинга//Уч. зап. МГПИ. Т.255.М., 1963.
12. Сильман Т.И. Проблема синтаксической стилистики. М., 1967.
13. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). М., 1973.
14. Скребнев Ю.М. Очерки теории стилистики. Горький, 1975.
15. Деление фигуры полисиндетона на внутренний и внешний тип представлено в работе: Чайковский Р.Р. Стилистическое функционирование полисиндетической и асиндетической связи в современной немецкой художественной прозе: Дис.... канд. филол. наук. М., 1971.